К каким же конъектурам пришлось прибегнуть исследователям в дошедшей до нас редакции выражения «утрѣ же возни стрикусы оттвори врата Нову-граду», для того чтобы приблизить ее к современному состоянию? В тексте первого издания не совсем приемлемым казалось «утрѣ» и просто искаженным «возни», совершенно изолированное место как лексема занимало слово «стрикусы» — уникальное в древнем русском словаре, очевидный *haraх*. Еще более невразумительной казалась передача того же выражения в Екатерининской копии: «утрѣ же вазнистри кусы», близость которой к аутентичному списку «Слова» XV—XVI вв. вообще ставилась под сомнение текстологами памятника. В результате их основное внимание было направлено на текст издания 1800 г., как на более выверенный и непосредственно отразивший графику оригинала (при всех его отклонениях и условностях). В дальнейшем реконструкция выражения совершалась преимущественно в рамках его редакции, принадлежащей А. Ф. Малиновскому и Н. Н. Бантышу-Каменскому. Конкретные поправки комментаторов выражения свелись к следующему. «Утрѣ же» (в отдельном написании в издании 1800 г. и слитном в Екатерининской копии) подавляющим большинством комментаторов было переделано в «утрѣ (утре) же» — наречие времени древнерусского языка⁸ (в значении «утром», «завтра», «на следующий день»). Такая переделка («ѣ» на «ѣ») оправдывалась совершенно естественным допущением незначительной графической ошибки — замены «ѣ» почти тождественным по конфигурации «ѣ» в списке XV—XVI вв. иль редакторами мусин-пушкинского издания. Против такой поправки трудно возражать даже при самом щепетильном и педантичном отношении к графике текста. Еще легче допустить, что «ѣ» здесь был поставлен не вместо «ѣ», а на месте «ѣ» во вполне закономерной форме древнерусского наречия времени «утрѣ» — «на утро», «на следующий день». Смещение «ѣ» и «ѣ» в данном случае не единичный случай, оно могло произойти в силу недостаточно четкого различия «ѣ» и «ѣ» в графике «Слова» вообще. Правда, случаи замены малого ера (ѣ) большим (ѣ) в исходе слов в тексте памятника единичны, но ничто не мешает нам отнести к этим единичным случаям замены и слово «утрѣ» (вместо «утрѣ»).⁹ При такой ситуации мы спокойно можем оставить «ѣ» в «утрѣ» без изменения, так как, сохраняя этот знак вместо «ѣ», мы отдадим начертание наречия «утрѣ» от предполагаемого оригинала «утрѣ» в меньшей степени,

АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 69, 96, 458. — А. С. Орлов в своем издании «Слова о полку Игореве» (М.—Л., 1946, стр. 85) оставляет слово «стрикусы» без перевода, а в комментариях говорит: «Загадочное „стрикусы“ Снегирев и Потебня сопоставляют с немецким названием боевого топора «*streit-taxt*». Так же поступает и редактор текста «Слова» в издании «Библиотеки поэта» [Большая серия]. Л., 1952] Л. А. Дмитриев (ср. стр. 74). С оговоркой дает его и Д. С. Лихачев: «Слова „стрикусы“ в других памятниках древнерусской письменности не встречается; возможно, оно родственно древневерхнемецкому *Strit-akis*, *Strit-achus* — боевая секира» («Слова о полку Игореве»). Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 458).

⁸ См.: Срезневский, Материалы, т. III, стр. 1319, с соответствующими примерами. «Утрѣ» — чтение М. Максимовича; ср. у А. Потебни: «Слово о полку Игореве». Воронеж, 1878, стр. 124.

⁹ В «Слове» чаще наблюдается замена твердого ера (ѣ) мягким (ѣ), известны, однако, и случаи обратной замены, причем их больше в Екатерининской копии, чем в издании 1800 г. «С несомненностью можно думать, из случаев расхождения обих текстов, что в рукописи „Слова“ начертание „ѣ“ и „ѣ“ в известных случаях не различалось с четкостью одно от другого», — говорит акад. С. П. Обнорский. Из примеров замены «ѣ» твердым ером в исходе слова (значительно более редких) С. П. Обнорский почему-то дает только «вихрь» как единичный, упуская из виду форму «утрѣ». (См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 140).